

ДАРЬЯ АЛАВИДЗЕ
ПОДОРОЖНИК

**ЗАПИСАНО
ПО ДОРОГЕ**

Одобрено Рунетом

Дарья Алавидзе

Подорожник

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Алавидзе Д.

Подорожник / Д. Алавидзе — «АСТ», 2018 — (Одобрено Рунетом)

ISBN 978-5-17-111580-7

Это не обычная книга о путешествиях. Колумнист National Geographic Traveler Дарья Алавидзе много ездит по разным странам и городам, но описывает не достопримечательности и музеи (об этом и так написаны сотни книг), а уличную живую жизнь и истории, которые происходят с ней по дороге. Именно так – «по дороге» – и составлялся «Подорожник» – дневник наблюдений за происходящим в интересных декорациях старинных городов и экзотических стран. Сюжеты из жизни простых героев, булочников, бродяг, деревенских сумасшедших, музыкантов, ворчливых старушек на улице, трогательных влюбленных студентов, фантазеров-дизайнеров, монашек и обычных прохожих складываются в лиричные истории, обрастают колоритными подробностями, перемешиваются с городскими легендами, сплетнями и историческими фактами. А израильская художница Регина Шафир на основе этих сюжетов создала замечательные и очень смешные иллюстрации.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-111580-7

© Алавидзе Д., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Предисловие	6
Нью-Йорк	7
Нью-Йорк	9
Нью-Йорк	11
Фенхуан	13
Флоренция	16
Флоренция	19
Флоренция	21
Модена	24
Брюгге	27
Антверпен	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дарья Андреевна Алавидзе

Подорожник

© Д. Алавидзе, текст, 2018

© Р. Шафир, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие

У художника Питера Брейгеля есть картина «Падение Икара». Миф об Икаре известен абсолютно всем, поэтому, даже если не знать, как эта картина выглядит, то и не беда, вполне можно догадаться. Можно предположить, что на ней, вероятно, Икар на искусственных крыльях из перьев и воска падает с неба. Дерзкий герой, который бросил вызов богам и, опьяненный полетом, взлетел слишком высоко к солнцу, был жестоко наказан, испортил крылья, упал на землю и разбился.

Черта с два!

На картине изображен дивный брейгелевский нидерландский пейзаж, пахарь идет за сохой, и лемех сохи, врезаясь в землю, делит ее на четкие полосы. Пастух следит за стадом овец, устало опершись на посох, на берегу рыбак сосредоточенно закидывает сеть. В море, покрытое белыми гребешками волн, выходят корабли, а ветер надувает их паруса. Высоко в небо поднимаются скалистые горы. А вдали раскинулись города. Садится солнце. Оно отражается в зеленоватых водах моря.

Икара нигде нет.

Если долго и внимательно вглядываться, то можно заметить, что в правом нижнем углу, у самого берега, видны торчащие из воды ноги, а рядом плавают остатки птичьих перьев. Их, вообще говоря, очень легко пропустить, потому что Брейгель специально написал их так, чтобы они сливались с белесыми барашками волн.

Да, собственно, работяги на картине их и не замечают. Все занимаются своими делами.

Это одно из самых остроумных произведений искусства. Разные искусствоведы объясняют эту картину по-разному. В основном, конечно, подчеркивают трудолюбие народа Нидерландов и осуждение безумной гордыни тех, кто «слишком высоко взлетел».

Но мне нравится думать, что идея здесь в том, что, какие бы события ни происходили в мире, какие бы эпические катаклизмы ни случались, какие бы ни творились чудеса, люди продолжают жить своей жизнью, сосредотачиваться на своих маленьких делах, зависеть от своих собственных маленьких обстоятельств, и это самое главное.

Они смешные, трогательные, злые, открытые, завистливые, наивные, работящие, любящие, да всякие. Где бы то ни было, жизнь идет, и мы ее живем. На этой неизменности бытия и держится мир.

Порой все самое интересное случается в совершенно обычных, повседневных обстоятельствах и декорациях. Случайные встречи, мимолетные знакомства, неожиданные беседы.

Я пишу колонку в журнал «National Geographic Traveler». Совершенно нагло и без малейших угрызений совести я украла у Брейгеля его чудесную идею. Его картина «Падение Икара», несмотря на название, вовсе не про падение и не про Икара, а про жизнь и про людей.

Вот и моя колонка имеет очень мало отношения к национальной географии. Она тоже в общем-то про жизнь, про людей и про то, как важно в путешествии не уходить с головой в томик Миклухо-Маклая (ну хорошо, в путеводитель «LonelyPlanet», кому что), не учить наизусть, в каком году Марк Агриппа построил первый римский Пантеон (хотя это тоже очень полезно), а поднять голову и постараться не пропустить то, чем живут его (Марка Агриппы) потомки и сограждане. Как любят, во что верят, чем вдохновляются, в какие переделки попадают. Все эти мимолетные столкновения и складываются в одно общее впечатление от места.

Я записываю истории по дороге. Поэтому талантливейшая художница Регина Шафир, иллюстрирующая все мои статьи, придумала этому всему название «Подорожник».

Огромное ей за это спасибо!

Нью-Йорк

В популярной химии есть такой опыт: перекись водорода смешивают с йодистым калием. При этом очень эффектно выделяется кислород, и можно просто смотреть, как это все дымит, можно что-нибудь поджечь, а если добавить в смесь моющего средства для посуды, повалит густая пена. Со стороны выглядит завораживающе: две абсолютно ничем не примечательные субстанции наливаются в стакан, а оттуда – йииихааа – на тебя выпрыгивают кубометры чего-то совершенно неожиданного.

Точно так же можно описать все лучшее, что происходило в моей жизни. Когда в самых непримечательных обстоятельствах в самом обычном городе встречаются обычные люди... то иногда из этого рождаются лучшие разговоры, самые интересные идеи, самые безумные поступки, бурлящие потоки практически осязаемой энергии.

В Нью-Йорк я приезжаю каждую зиму. У меня там живет часть семьи, с которой я отмечаю праздники, друзья, которые устраивают лучшие рождественские вечеринки, я хожу на выставки в МоМА, катаюсь на коньках в Брайант-парке, слушаю джаз в Dizzy club, а также немножечко нелегально посещаю все спектакли «Метрополитен-опера» по студенческому билету своей сестры, студентки Университета Колумбии. Нью-Йорк – это город, который может предложить все что угодно любому самому избалованному туристу. Это столица моды, гастрономии, музыки, клубная, экономическая, литературная, джазовая, да какая угодно столица.

Но иногда все самое интересное происходит совершенно на пустом месте.

Однажды я ехала к себе домой в Гарлем с «Турандот». Полночь, в метро дым коромыслом. Экспресса долго не было, на платформе на локальную ветку метро собралась толпа разномастного народа: подростки, нарядные граждане из театров, обычные люди с поздней работы. Никто не обращал ни на кого внимания. По платформе телепался паренек самого неприятного возраста и что-то сам себе напевал. Вообще в Нью-Йорке люди много поют для своего удовольствия, на улице, в метро. Я даже смотрительницу в Метрополитен-музее видела, которая читала какой-то рэп себе под нос. А уж у нас в Гарлеме такое сплошь и рядом. Вообще никого не удивишь.

Другое дело, что для этого требуется особый драйв, тут вам не Большой зал Консерватории имени Чайковского, просто создавать музыку недостаточно. Тут нужно уметь людей собой заразить, передать им свой ритм, свою волну, зажечь своим огнем, втянуть в свою крейзу. Я лично считаю, что тем, кому подвластна толпа в нью-йоркском метро, не страшен и Карнеги-холл.

А у этого паренька совсем не получалось. Вообще, если честно, он по всем объективным показателям вряд ли пользовался огромной популярностью. Уже в этом возрасте у него было совершенно лишнее пузо, щеки такие серьезные, какие-то лузерские серые спущенные треники, непонятного вида толстовка с капюшоном, полиэтиленовый пакетик в руках. Полиэтиленовый! Пакетик! Все какое-то несуразное. И почему-то огромный желтый шарф. И самое главное, голоса-то нет. Ну вот нисколечко. Мне даже как-то стало его жалко.

А вот ему на мою жалость было глубоко наплевать, поэтому он продолжал напевать. Мы всей толпой вошли в вагон, заняли свои места и поехали. И паренек разошелся, он вдруг во весь голос запел: «We are building it up to break it back down» – это из песни Linkin Park «Burn it down».

Пассажиры поездов в Гарлем – ребята закаленные, и не к такому привыкли. Поэтому никто даже внимания не обратил. Мне как-то стало обидно. Человеку, может, лет пятнадцать. Старается, хочет выделиться – тинейджер же, ищет себя, ищет поддержки. Но народ сидел совершенно равнодушно и ничем не выдавал ни раздражения, ни удовольствия.

И вдруг сидящий в том же вагоне парень (ослепительный, ослепительнейший мышцатый красавец, аж голова закружилась) в какой-то очень удачный момент крайне смачно на весь вагон ввернул «yeah, s'top» и ногой начал отстукивать ритм. Именно с той самой харизмой, которой недоставало солисту, с харизмой, которой достаточно, чтобы повести за собой толпу. Толпа встрепенулась и уставилась на красавца. Кто-то начал улыбаться.

Компания девчонок напротив принялась раскачиваться, пуская волну, как на настоящем рок-концерте. Кто-то сзади стал отстукивать ритм ногами, хлопать в такт. Паренек, видя такую поддержку, запел с удвоенной силой. Куда девалась вся его несуразность? Там в песне есть момент, где солист переходит на рэп. Так вот, парнишка совершенно самозабвенно прокричал его на весь вагон, светясь от счастья. Стоящие рядом девчонки начали изображать подтанцовку.

Последний куплет пели всем вагоном. Если бы у меня была гитара, то я бы разбила ее об пол. Когда парень допел до конца, как раз была его остановка, мы все устроили ему овацию. Кто-то оглушительно засвистел.

Он раскланялся и вышел. Ну то есть в вагон он зашел несуразным тинейджером, а вышел суперзвездой, только что пережившей главную минуту славы.

А все немедленно занялись своими делами: уткнулись в киндлы, в телефоны, в газеты, отвернулись к окну. Как будто ничего не случилось. Я ехала еще две остановки и смотрела на них: на ослепительного красавца, который все это начал, на толпу, которая с таким удовольствием его поддержала. Обычная толпа в обычном метро. Какой... ну какой химией объяснить то, что тут только что произошло?

Меня часто обвиняют в любви к попсе и банальности. А любить Нью-Йорк – это банально и попово. Поэтому скажу так:

Гарлем (промежуток от Коламбуса до 145-й улицы), я люблю тебя!

Нью-Йорк

Когда я собиралась в Нью-Йорк, я и не представляла себе, что будет так холодно, поэтому не взяла с собой приличной теплой одежды. Пришлось стащить у сестры вязаную шапку, похожую на гигантский голубой презерватив, ну и, конечно, павловопосадский расписной платок на шею. Нарядилась вот так да и вышла в январские вихриснежныекрутя. Хотя должна сказать: так как жила я в Гарлеме, мы с моим голубым презервативом и платком в розочку оказались не самые там оригинальные.

Я ехала в метро из Центрального Гарлема на Коламбус. В метро зашла женщина с коляской, в которой визжало аж трое детей. У меня у самой есть очень энергичный мальчик, поэтому я всегда сочувствую матерям, которые не могут унять своих детей в общественных местах. Мальчики в коляске орал, разбрасывали миндаль и крекеры в сидящих вокруг, пытались вылезти из коляски, дрались. В конце концов мамаша устала их успокаивать и обессиленно расплакалась.

Я сидела напротив, максимально по-доброму ей улыбалась и думала про себя: «Пусть только попробует кто сделать ей замечание, вот только пусть хоть какая-нибудь сволочь встанет и попробует хоть что-то сказать. Я в хорошем настроении, поэтому, если надо, поворочу за нее реки вспять. Не стоит со мной связываться, когда я в хорошем настроении».

Через весь вагон к нам направился какой-то решительный парень с огромнейшим рюкзаком. Я мысленно построила войска и приготовилась к отражению любого нападения. Поравнявшись с нами, он нырнул в рюкзак, достал оттуда детскую книжку, присел на корточки и начал дурачиться, показывать детям картинки и весело разыгрывать сценки разными голосами.

Дети успокоились, заулыбались, а мамаша опять расплакалась, уже от радости. И весь вагон вздохнул спокойно. Когда она выходила на 125-й улице, парень отдал ей книжку с картинками: «Возьмите, мне больше не нужно». И подсел ко мне.

Я была ужасно рада, что все мирно закончилось, поблагодарила его и спросила, как его зовут.

– А тебе-то какое дело?

Мне захотелось фантазийно соврать, поэтому я ответила:

– Я писательница, вставляю этот эпизод куда-нибудь.

Он с интересом оглядел голубой презерватив у меня на голове и платок в розочку.

– Меня зовут Джордж. Меня в Рождество бросила девушка. Я специально купил ее дочке книжку с картинками, и, вот видишь, не пригодилось... Она даже не пришла ко мне. Я так и сидел как дурак один. Один! В Рождество! Всегда один! Надеялся, мы втроем посидим, как семья. Так люблю ее. И девочку тоже. Так люблю. А теперь что мне осталось? Поеду вот из Нью-Йорка, не могу пока здесь. Все болит, все напоминает. Напиши про меня. Пусть в этом году мне повезет.

Вот пишу. Джордж, бро. Повезет! Верь мне, я знаю. Обязательно повезет! Не может не.

Нью-Йорк

В один из приездов в Нью-Йорк мы с друзьями пошли в джаз-клуб. Это было какое-то событие века. Какой-то необычайно известный джазовый музыкант отмечал какой-то юбилей на сцене и пригласил каких-то тоже, видимо, известных музыкантов поиграть какую-то всем известную музыку в очень известном всем нью-йоркским любителям джаза клубе.

Не то чтобы я не люблю джаз. Как раз наоборот. Очень люблю. А джаз-клубы – это такие места, где музыки всегда гораздо больше, чем нот. Там между нотами есть еще сиюминутное переживание, классический новоорлеанский задор, свободные импровизации пианистов, лихой кураж вокалисток. Музыканты все-таки самые счастливые люди на свете. Это они подчиняют себе музыку, тогда как во всем остальном мире – наоборот.

Джон Коувенховен, автор книг об истории Нью-Йорка и американского искусства, писал: *«Сама архитектура небоскребов полностью повторяет спонтанно-чувственную и в то же время строгую по форме созидательную атмосферу джаза. Не случайно время постройки первых „высоток“ и время расцвета джаза в Нью-Йорке хронологически совпадают...»*

По данным ассоциации музыкантов Нью-Йорка, в городе сто пятьдесят тысяч музыкантов, из которых больше двух десятков тысяч – джазовые. Сейчас джаз можно послушать в самом уважаемом кафе «Карлайл», где каждый понедельник на кларнете играет Вуди Аллен в составе группы The Eddy David New Orleans Jazz Band, можно зайти в самые популярные Blue Note или Village Vanguard, ну или в любой из сотни других джаз-клубов Нью-Йорка.

Сейчас в Гарлеме в районе западной 129-й улицы стоит музей истории гарлемского джаза.

Так что джаз я очень люблю. Просто в этот раз мы пошли туда не по велению сердца, не для того, чтобы удовлетворить внутреннюю потребность, – нас вела директива снаружи. Весь Манхэттен был там, и мы с компанией не могли позволить, чтобы вечеринка прошла без нас. Кто играет? Да, в общем, какая в этом случае разница.

Мы пришли в забитое под завязку заведение, отстояли в очереди полтора часа, чуть было не ушли, и вот наконец нас посадили за столик. Я, разумеется, в первую очередь начала глазеть на публику. И тут... Мама дорогая! За соседним столом сидела великая оперная дива Рене Флеминг, примадонна, поющая на лучших оперных сценах мира. Я только вчера видела ее в «Веселой вдове» в «Метрополитен-опера», а тут она собственной персоной. Совсем одна!

Начался концерт. Рене Флеминг сидит, подтанцовывает, подпекает, пьет коктейль. Мне нехорошо. Отчетливо давит на позвоночник осознание того, что надо что-то сделать. Подойти сказать: «Вы самая лучшая Русалочка в мире. А также Лауретта, а еще вот вчера во «Вдове» вы были великолепны! Bravo!»

Да вроде невежливо. Человеку хорошо, а тут я мешать буду. Предложить купить ей шампанского? Как-то глупо. Попросить селфи с ней? Да ну, никогда.

Ну почему же публика не реагирует? Какой-то хипстер горлопанит на сцене, кому он нужен, когда тут Рене? Неужели все осознают, но просто стесняются?

Тут, пока я колебалась, к ее столику подошел симпатичный мужчина. Ну наконец-то! Хоть один не вытерпел. Пусть оплатит ей счет, попросит автограф и за нас всех, нерешительных идиотов, скажет, что она великая дива.

– Я вас уже не первый раз тут вижу, вы любите джаз? – спросил мужчина.

– Очень! Я так боялась не попасть на юбилей <имя человека, который был на сцене в это время, и которое я не то что забыла, а просто и не знала никогда>. Когда я первый раз услышала эту песню двадцать лет назад, они пели ее совсем по-другому. Это была их первая пластинка, которую я купила.

– Надо же, я не думал, что кто-то, кроме меня, обратит внимание, что второй куплет они изменили. Лихо они тут обработали вот этот кусок, согласен. У вас тонкий слух, вы что – тоже занимаетесь музыкой?

– Немного, – скромно улыбнулась ему Рене Флеминг.

Мне кажется, что эта история – она про все сразу. Про то, что в музыке нет границ и делений. Композитор Россини говорил: *«Все жанры хороши, кроме скучного»*. Эта история про настоящую джазовую импровизацию, про спонтанность, про талант, открытый миру, ну и самое главное – про единственное место в мире, где такое вообще возможно, – про город Нью-Йорк.

Фенхуан

Однажды некий путешественник, который интересовался песнями, стихами и живописью, скрючившись в маленькой лодочке, путешествовал по этой реке почти месяц – и не пресытился! А все потому, что места здесь были дивные, ведь именно здесь природа в полной мере смогла проявить свое бесстрашие и утонченность. Ничто в этих краях не оставляло равнодушным.

Шэнь Цунвень. Пограничный городок

У меня сложные отношения с китайским искусством. С третьего курса муж заставляет меня прочитать Сунь Цзы «Искусство войны», а также периодически истязает Джетом Ли и прочим летающим шаолинем. Моя лучшая подруга – истый фанат Вонга Кар-Вая. Когда-то, лет десять назад, я решила ознакомиться, что за Кар-Вай такой, и для первого раза выбрала самое, на мой взгляд, красивое и романтичное название – «Счастливы вместе», как раз для приятного семейного вечера. Открывался фильм сценой гомосексуального изнасилования в общежитии для нелегальных иммигрантов на границе Аргентины и Парагвая.

Но вот классические пейзажные картинки китайской жизни меня совершенно завораживают. Я люблю романы нобелевской лауреатки Перл Бак про крестьян, выращивающих рис, я люблю классический «Сон в красном тереме», все вот эти восточные сказки и легенды, где логика и здравый смысл принесены в жертву образности, символизму, распевной обреченности и неспешной простоте.

Ну или вот китайский классик Шэнь Цунвень, написавший наивную сказку про девочку с изумрудными глазами Цуй-Цуй, которая сидит на берегу реки Тоцзян и ждет сладкоголосого любимого, который все никак не идет.

Поэтому в свободные три дня в Китае я решила поехать в высокогорную провинцию Хунань. На родину Шэня Цунвеня, в самый красивый старинный китайский город Фенхуан. Из города Чжанцзянцзе до Фенхуана нужно ехать горными серпантинами пять часов. Вдоль залитых водой рисовых террас, на которых уже на рассвете, в семь утра, кто-то что-то мотыжил, выгуливал волов с огромными рогами (я вот сейчас специально погуглила про волов – они!). Удивительное зрелище, больше похожее на мосфильмовскую декорацию. Абсолютно нетронутый цивилизацией уголок. И в нем затерялся старинный городишко на реке, по которой вдоль разваливающихся домов на сваях и древних пагод плавают деревянные рыбацкие лодки.

Это совершенно удивительное чувство – гулять по городу пешком среди людей, которые не понимают ни слова из того, что ты говоришь, и смотрят на тебя, как на несчастного, которого терзают бесы. И в ответ издают звуки, которых не понимаешь ты. Когда незнакомые иероглифы осуждающе хихикают, глядя на тебя с витрин вокруг: «А, хотел привычного английского языка? Хотя бы каких-нибудь табличек „open, stop, restaurant, we accept credit-cards“? („Открыто, стоп, ресторан, мы принимаем кредитные карты“.) Гыгыгы, ну-ну, ориентируйся теперь по запахам, дурачина».

А ты, словно странный дикарь, заброшенный в другой мир, пытаешься жестами и глупыми улыбками убедить всех вокруг, что пришел с добром. У меня на телефоне есть приложение, которое понимает китайскую речь и умеет произносить по-китайски то, чего я от него требую, но на мою беду (ну или на мое счастье, такой вот парадокс) в этом городе совершенно отвратительная мобильная связь и, соответственно, нет Интернета. Кроме того, ворота Старого города открыты только для пешеходов. То есть упорядоченное дорожное движение, которое хоть как-то может помочь в освоении пространства, тоже отсутствует. И вот, когда рухнули все опоры, поддерживающие твое существование в обычном мире, – язык, навигация, современная организация пространства, понятные образы на улицах – вдруг, в этой абсолютной потерянности, открывается невероятная свобода. Ты становишься настоящим исследователем. Все планы рухнули, ничто вокруг тебе помочь не может, поэтому ты рад любому результату. Приехал вроде как туристом, но, сам того не ожидая, открыл внеземную цивилизацию.

Центр города – это лабиринт старинных улочек, мощенных камнем, неаккуратно громоздящиеся друг на друга деревянные домишки с покатыми черепичными крышами; щедро наброшенные на провода и причудливо свисающие как будто бы с неба китайские красные зонтики. Через весь город протекает мутная зеленая река, по которой туда-сюда снуют узкие китайские лодки. И люди до сих пор ходят с корзинами за спиной. Старые женщины Мяо в традиционных черных головных уборах, стирающие белье прямо в реке, мужчины с корзинами коромыслами, дети, играющие в какие-то причудливые казаки-разбойники.

Таксист, который привез меня в Фенхуан, по-английски разговаривал очень плохо, поэтому донес до меня только одну, но самую важную информацию: в городе всего одно кафе, где варят нормальный несладкий кофе. В нем рано или поздно оказываются все европейцы, приехавшие сегодня в город. Когда я его нашла, то засела там отдохнуть, и уже через пять минут ко мне присоединился дизайнер из Амстердама Томми, который по окончании университета решил следовать за своей страстью. В то время это были восточные философии и азиатская красота. Он приехал в Гуйлинь и открыл свою студию. И теперь довольно успешный бизнесмен. Естественно, я вцепилась в него мертвой хваткой. Все-таки двухметровый блондин голландец, которого легко локализовать в толпе китайцев и который прекрасно говорит на мандарине, – это лучшее, что может случиться с тобой в этой глуши. В этот день судьба забросила в Фенхуан только двух англоговорящих туристов – меня и Томми.

Вместе мы зашли в дом Шэня Цунвэня, побродили по старым дворикам, поскакали по камням через реку. Томми научил меня мыть посуду только что заваренным чаем. Традиция такая, ну и из соображений гигиены. Я вспомнила, что видела, как местные моют посуду прямо в реке, поэтому согласилась, что традиция эта очень нужная и полезная.

Проходя мимо сувенирной лавки, мы увидели магнитик в виде белой китайской вазы, расписанной синими узорами. Втроем с китайским продавцом мы составляли все звенья преступной гжельской цепи. У китайцев идею расписывать фарфор синей кобальтовой глазурью украли голландцы, так родился делфтский фарфор. А уж у них это украли и выдали за свое русские во главе с Петром Алексеевичем; так гжельская керамика стала бело-синей. И вот наконец настал тот исторический момент, когда русский и голландец, стоя перед витриной китайского магазина, так устыдились содеянного и сполна расплатились за кусок дешевой

пластмасски, имитирующей культурно-значимый для всех трех наций бело-синий фарфор. Пятнадцать, между прочим, юаней.

Мы сели в уличную забегаловку поесть. Я попросила Томми заказать мне какой-нибудь нестрашной еды. Нам принесли пельменей из свинины.

Мы сидели и обсуждали Петра Первого и эту хохму про гжель.

– Мне кажется, мы не очень сильно тогда подорвали китайскую экономику, раскрашивая тарелки синими узорами. Все равно их никто не покупает. Какова доля всей этой посуды в национальном обороте? Мизер. Вот если бы кто-нибудь украл у китайцев пельмени... – Он сделал широкий жест в сторону моей тарелки. – Пельмени – это другое дело. Посмотри, каждый второй тут ест пельмени. Как странно, что никто не украл идею пельменей у китайцев.

– Действительно. Очень странно, – немедленно и очень правдоподобно согласилась я.

Мы запили это дело чаем с имбирными карамельками. Имбирные карамельки – местный специалитет, их тут вручную делают на каждом углу.

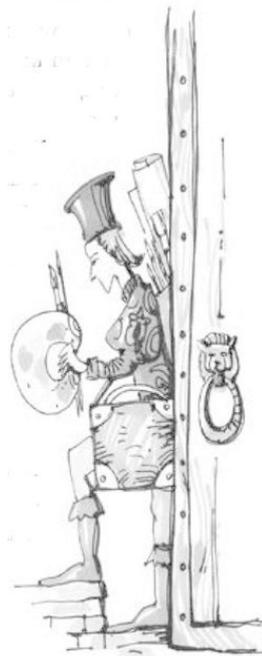
В классическом даосизме у человеческой души есть две ипостаси – «хунь» и «по». Так вот город Фенхуан вывел мой, извиняюсь, хунь и мое по на совершенно новый уровень. Это волшебный край настоящего древнекитайского очарования. Как и много веков назад, через него течет река Гоцзян, в которой утром женщины моют овощи и посуду, стирают белье. Вдоль реки стоят старинные домики на бамбуковых сваях. Вечером, когда ее окутывают сумерки, жители зажигают красные бумажные фонари, свисающие с крыш, и сквозь таинственный туман река расцветивается миллионом красных огней. Как крыло огненного Феникса, который до сих пор охраняет традиции и древние сказки своего города.

Неудивительно, что такому городу достались такие певцы красоты, как Шэнь Цунвень и я. Уж кто-кто, а мы-то в этом кое-что понимаем.

Флоренция

Когда я только начинала учить итальянский язык, мне дали лучший совет – приставать ко всем подряд на улицах Италии. Увидел прохожего – не зевай, атакуй. Спроси: «Сколько времени?» или «Как пройти в галерею Уффици?», «Между прочим, Давид-то у вас тут на площади ненастоящий, а? каково?», «Вы не знаете, где тут подают самую вкусную риболлиту?», «А, между прочим, знаете ли вы, что помидоры завезли испанские конкистадоры из Америки в Италию, а вовсе не наоборот?» (до этого, слава богу, так ни разу и не дошло). Но вообще, все именно так и работает – там с соседом словом перекинешься, здесь схомишь, на рынке с зеленщиком поругаешься, в очереди с кем-нибудь языками зацепишься, вечером за местную футбольную команду поболеешь. Так, глядишь, и наберется словарный запас.

Поэтому, когда я приехала первый раз во Флоренцию, то, чтобы познакомиться как можно с большим количеством соседей, сняла квартиру в самом обычном доме. Ну как, в самом обычном... недалеко от площади Синьории, на виа дель Ангиллара. Каждый вечер я открывала ключом тяжеленную дверь в средневековый дом, тянула на себя чугунную ручку и поднималась по узкой винтовой лестнице на последний этаж. Мне с него открывались потрясающие виды на терракотовые черепичные крыши города, и каждое утро меня будила кампанिला Джотто, колокольня собора Санта-Мария-дель-Фьоре. А буквально в двух шагах стоит церковь Санта-Кроче, где похоронены Галилео Галилей, Россини, Микеланджело, Макиавелли, а также польский композитор, автор самого знаменитого полонеза, Михаил Огинский.

Ни в одном путеводителе по церкви Санта-Кроче нет упоминания, что там находится кенотаф Энрико Ферми. Микеланджело есть, Россини есть, Макиавелли, Галилей, Уго Фосколо. А вот Энрико Ферми, нобелевский лауреат по физике, нигде не упомянут. Совсем стыд потеряли! Как бы вы сейчас получали радиоактивные трансурановые изотопы, дурачье неблагодарное, без Энрико Ферми?

Каждый вечер я ходила ужинать в трактир напротив театра Верди (на самом деле, подслушивать разговоры, конечно). И каждый вечер туда заходил мой сосед, синьор Ломбарди, муж-

чина невероятной харизмы. Толстый, потный, бородатый, с длинными кудрями цвета перцев-соль, в белой льняной рубашке и с огромным крестом на волосатом пузе. Заходил, улыбался, как Паваротти, широко раскидывал руки и на весь ресторан тяжелым басом кричал хозяину ресторана: «Ciao Fabrizio». Потом подсаживался к нему, заказывал бокал красного и тарелку каких-то сухарей. При этом невероятным оперным голосом травил байки, широко улыбался девушкам за соседними столиками и заигрывал со всеми детьми в помещении.

В итальянском языке есть слово *allegria*. Это готовность радоваться жизни, получать удовольствие. Удивительно заразная веселость, от которой теплеет мир. Человек без «аллегии» – это человек без души, тяжелый человек. Это самое лучшее знание, которое подарили мне соседи в нагрузку к итальянскому языку.

Однажды мое платье свалилось с сушилки за окном и улетело на соседний балкон. Естественно, мне ничего не оставалось делать, как идти к Ломбарди его вызволять.

Я вот что подумала. На этой улице начинается действие романа «Муки и радости» Ирвинга Стоуна. Начинается с того, как из своего дома на виа дель Ангиллара выходит тринадцатилетний подросток Микеланджело Буанаротти и идет устраиваться в мастерскую к Доменико Гирландайо в ученики. Все-таки есть некоторое кощунство в том, что именно по этой улице я бегаю к соседям вызволять свои тряпки.

Ломбарди рассказал мне свою любимую городскую легенду и показал вещественное доказательство. На стене палаццо Веккьо прямо за скульптурой «Геркулес и Какус» в древнем камне вырезано лицо мужчины. Все флорентийцы верят, что это работа самого Микеланджело, который во время разговора с неприятным типом (из тех, что пристают к вам на улице с идиотскими вопросами про помидоры), заведя руки за спину, от раздражения ножичком выцарапал в стене лицо собеседника. С тех пор там и осталось это самое, наверное, удивительное граффити в мире. Его так и называют – «Importuno» (назойливый приставала). Неудивительно, что я сразу почувствовала симпатию к этой картинке.

После этого мы с Ломбарди сели в ближайший трактир, и я спросила его, чего бы мне съесть такого, чтобы стать настоящей флорентийкой.

– Конечно же, триппы!

Вообще-то я никогда не пробовала требухи (а триппа как раз и есть блюдо из коровьих желудков с овощами в тосканском вине), поэтому с сомнением переспросила, стоит ли начинать.

– Даже не сомневайся, это блюдо богов, – расплылся в улыбке Ломбарди. Боже, какая невероятная гадость! На это даже смотреть невозможно!

Я перевела взгляд на сияющего Ломбарди.

– Ну как? Правда, вкуснятина?

Будь ты тысячу раз проклято, хорошее воспитание! Никогда я не поставлю человека, который целый день так со мной нянчился, в неудобное положение.

Я немедленно засияла ему в ответ, уверила его, что это самое вкусное блюдо, которое я когда-либо ела. Полная кастрюлька триппы! Святые угодники, отцы-благодетели, это моя вам жертва за те самые прекрасные дни изучения итальянского языка на улицах Флоренции!

Флоренция

Каждый вечер во Флоренции мы ходим за пиццей. Лично я еще хожу за артишоками, салатом с моцареллой и поговорить по-итальянски. Место замечательное. Огромная открытая дровяная печь в виде головы Вулкана, а вокруг снуют пиццайоло, которые мастерски вращают тесто, жонглируют помидорами и сажают пиццу в печь. Регулируют высоту пламени, определяют температуру рукой, дают всем полюбоваться на настоящее кулинарное шоу.

Так вот каждый раз, когда мы входим, хозяин, синьор Роберто, счастливо раскидывает руки и громогласно приветствует нас:

– Петруччо! Буона сера! Иль таволо мильоре пер иль мио амико амато! Коме семпре? Пицца «Маргарита»? (Петруччо, добрый вечер! Лучший столик моему любимому другу! Тебе как всегда? Пиццу «Маргарита»?)

Это все хорошо, это самое обычное настоящее итальянское радушие и гостеприимство. Интересно в этом то, что Петруччо – это мой сын, и ему три года. Маленькая козявка в панамке на фоне добродушного осанистого великана Роберто. Но выглядит все так, будто встретились два лучших друга.

Они здороваются за руку, хозяин подводит Петруччо к столику, отодвигает стул, помогает усесться, дает меню, наливает воды. Потом наклоняется к нему и тихо спрашивает:

– Я прошу прощения, а вот эти, – он одними глазами показывает в нашу сторону, – они с тобой?

В корпоративном мире это называется стратегические продажи. Роберто – настоящий профессионал. Он много лет изучал свою аудиторию. Поэтому, когда в его заведение вошла компания гостей, он безошибочно вычислил, кто есть кто. Кто здесь главный decision maker (то есть принимает основные решения), а кто – сопровождающий персонал. Провел грамотный таргетинг, кастомизировал маркетинг соответственно, сосредоточил продажную деятельность вокруг председателя совета директоров, убедился в полном customer satisfaction (в том, что клиент доволен). Безупречная работа!

Удивительно, но Флоренция прекрасна с детьми. Вернее, не так. Флоренция прекрасна. Точка. И к тому же она еще и удивительно удобна, если вы с детьми. Моего сына здесь все называют Джованнино, хотя я вроде бы всем рассказываю, что он – Пьетро, Петруччо. Сначала я думала, что это про национальность. Иванушка из России. А потом догадалась. Giovane – мелкий, малыш. Смешнее всего – на детской площадке. На каруселях катаются Антонио, Чечилия, Витторио и Пьетро. Всем от двух до четырех лет, все джованнини.

Пришлось идти в палаццо Питти с джованнино на руках. Все смотрительницы палаццо сбежались посмотреть на бамбино в музее, бамбино, который интересуется живописью. Мы не стояли ни в одной очереди, нас нигде не задерживали, все нам улыбались и лезли целоваться.

Обычно, когда я хожу по музеям, это выглядит как-то так:

– Вот это Тициан, а вот это Рафаэль, а вот тут, обратите внимание, у нас Тинторетто.

В этот раз пришлось немного сменить тематику.

– А вот, смотри, киса, а вот собачка, а вот тут у нас лошадка.

Какое же это счастье, что на полотнах Высокого Итальянского Возрождения столько собак, львов и лошадей!

Во Флоренции жил сказочник Карло Коллоди, папа Пиноккио. Поэтому под Флоренцией есть парк Пиноккио, а на виа Кондотти до сих пор сохранился магазинчик деревянных игрушек Bartolucci.

Другой сказочник Ганс Христиан Андерсен написал сказку «Бронзовый кабан» про бронзового поросенка Il Porcellino Пьетро Такки на старом рынке.

«Во Флоренции неподалеку от пьяцца дель Грандукка есть переулочек под названием, если не запамятовал, Порта-Росса. Там перед овощным ларьком стоит бронзовый кабан отличной работы. Из пасти струится свежая, чистая вода. А сам он от старости позеленел до черна, только морда блестит, как полированная».

Кроме него, по всей Флоренции рассажены статуи, горгульи, демоны и знаки. У них, конечно, есть собственные истории (как правило, жутковатые), но придумывать им новые тоже очень занимательно. Мой самый любимый – Маленький дьявол Джамболоньи, который сидит на углу улиц Строчи и Векьетти.

На пьяцца делла Республика работает яркая карусель, а рядом – кафе Gilli с самым вкусным в городе бабушкиным тортом (torta della nonna).

И даже настоящее мороженое тоже изобрели во Флоренции. Флорентийский архитектор Бернардо Буонталенти придумал мороженое на основе молока, яичного желтка, меда, вина и специй. До этого мороженое было только из дробленого льда с фруктами.

Так вот. Возвращаясь в пиццерию. Петруччо очень любит пиццу, поэтому расчувствовался, нарисовал подарок Большому Роберто. На листке бумаги – странные фигуры с бидонами на головах за рулем межгалактического корабля. Хозяин аж покраснел от восторга.

– Боже, какая красота! Мне никто никогда не делал таких подарков, я так растроган. Янина, мальчики, все сюда! Папа, зачем вы там сидите, когда здесь такая красота! Вы только посмотрите, что мне подарили. Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное? Ты видел? А ты? Кто-нибудь видел когда-нибудь такое изящество? Лично я – нет. Повешу на стенку рядом с кассой.

И ведь повесил! В рамочке над кассой. Как будто это как минимум «Весна» Боттичелли. Мы заглядывали перекусить там в течение трех недель, и все три недели эта картина висела рядом с кассой. Я уверена, она и сейчас там висит.

Так вот это вот, коллеги, уже, конечно, никакие не стратегические продажи.

Это подлинная доброта, любовь к миру и людям, искренность, простодушие, сердечность и гордость за свое дело. Не учат такому на корпоративных тренингах. А зря.

Флоренция

Я шла из магазина по виа дель Ангиллара домой. Догнала еле живого, почти прозрачного старика. Он с трудом передвигал ноги, руками держался за стену, тяжело дышал. Иногда останавливался, чтобы носовым платком стереть пот со лба. Тяжелые морщины, страдание на лице. Библейский Мафусаил.

Очевидно, на июльском флорентийском пекле ему стало плохо. Еще бы, такой жар от этих камней. Надо сказать, что, несмотря на возраст, одет он был очень стильно – яркие хлопковые шорты, белая льняная рубашка, голубой шейный платок.

Тут он громко охнул. Я, честно говоря, испугалась. А ну как помрет на этой жаре!

– Давайте я вам помогу. Мне несложно. Помочь вам дойти до дома?

– Я где-то тут оставил свой мопед, – неожиданно сказал он.

– Мопед? Вы в своем уме? Я закажу вам такси? С кондиционером как хорошо сейчас проехаться. А?

– И на кого я здесь оставлю мопед?

Опять этот мопед. Везет мне на сумасшедших.

– Ну зачем так рисковать? Может быть, мы позвоним вашим родственникам, они приедут и заберут?

Он оглядел меня с ног до головы.

– Помогите мне дойти до стоянки. Это где-то здесь, за углом. – Он трясущейся рукой показал во все стороны сразу – где-то там.

– Конечно.

Я осторожно взяла его под руку, и мы побрели.

Как же тут любят эти скутеры! Я видела на них женщин с сумками из супермаркетов, монаха-францисканца, видела, как кто-то на мопеде перевозит огромное стекло, просто держа его в руках.

Мимо прошла неопишуемой красоты юная девушка в рваных джинсах, полупрозрачной майке и в кедах. Она улыбнулась нам обворожительной улыбкой, игриво встряхнула черными кудрями и перебежала на другую сторону дороги.

Мы оба застыли на месте, провожая ее взглядом.

– Я недавно читал газету, – нарушил молчание дедушка, когда мы очнулись и двинулись дальше.

– Неужели?

– Да. – Он сделал вид, что не заметил моего сарказма. – Там была шокирующая статистика. Оказывается, более двух миллионов итальянцев страдают импотенцией. – Он закатил глаза: – Мамма мия!

– Да, ужасно, – согласилась я.

А он продолжал:

– И что самое главное – предлагают единственное эффективное средство – почаще слушать музыку. Каково?

– Ну так, может быть, помогает?

– Откуда мне знать?! – строго оборвал меня старичок. И посмотрел укоризненно.

– Действительно, чего это я. Простите.

Мы шли и шли дальше, сначала в одну сторону, потом вернулись, покружили вокруг одного дома, посидели на ступеньках второго. Я подождала, пока дедушка поговорит с другом, который вышел покурить из какой-то сувенирной лавки. Все это совершенно перестало мне нравиться. Домой он, судя по всему, не спешил. А у меня эти сумки еще, которые с каждой минутой становились все тяжелее и тяжелее. А еще и деда тащить на себе приходилось, нас

нестерпимо жег раскаленный воздух, мы вспотели, устали. К тому же старичок так тяжело дышал, что я боялась, что он умрет у меня на руках. Зрелище, конечно, ренессансное, эпическое, трагедийное. Но связываться с полицией мне совершенно не хотелось. Да и мифический мопед куда-то делся. Старикан оглядывал улицу и обеспокоенно опускал голову.

– Нет, видимо, туда, ближе к Дуомо.

– Нам как раз нужно в церковь, – решила состричь я.

– Не рано? Я тебя первый раз вижу. Хочешь воспользоваться моей слабостью?

– В церквях сейчас прохладно, приятная тихая музыка, можно посидеть, почитать, покаяться в грехах.

– Так поэтому и очередь такая. Не пойдем, – твердо заявил он.

Мы шли дальше, сворачивали в переулки, искали нужную парковку, но дед каждый раз говорил:

– Не, все-таки не тут. Пошли дальше.

– Как он хоть выглядит?

– О! Мы его сразу узнаем. Когда я еду, вся улица расступается в восхищении.

– Неужели прям такой красавец?

– Как Моника Беллуччи в лучшие годы. Я так его и зову – Моника.

Через некоторое время старик спросил:

– Ты уже все здесь посмотрела, что хотела?

– Да, вот сегодня была в Палаццо Питти.

– Ну и как?

– Там в каждом зале больше Рафаэлей, чем во всей Северной Америке.

– Это да. Но все на один и тот же сюжет – Мадонны примерно в одинаковых позах.

– Ну это же и понятно. Такое время было, основной заказчик – церковь. Вот если бы вы жили, как Рафаэль...

– Я не хочу жить, как Рафаэль, я хочу умереть, как Рафаэль!

(Рафаэль, как известно, умер непосредственно на своей любовнице Форнарине.)

Мы старательно избегали выхода на площадь Синьории, на которой в это время особенно много туристов.

– Ты уже видела статую Персея на площади?

Я ничего не ответила. Потому что вопрос идиотский. Это самая заметная фигура на лоджии Синьории.

– С меня ваяли. В молодости. Этот, как его...

– Бенвенуто Челлини.

– Во! Скажи, похоже получилось?

– У него в руках голова Медузы, а это с кого?

– О, а вот она похожа на всех моих нечетных жен.

– Нечетных? А сколько у вас их было?

– Почему было? Она и сейчас у меня одна.

Мы ходили и ходили. Говорили в основном о Флоренции и о женщинах. Искали его скутер. Проходя мимо витрины продуктового магазина, он предложил мне купить пачку макарон в виде фаллосов. Я отказалась.

– Очень зря, – расстроился он. – Ты знаешь, что писатель Дэн Браун посчитал пенисы у всех античных статуй на площади? Их там всего двенадцать. Какой еще сувенир тебе так хорошо напомнит о площади Синьории?

Так прошло достаточно много времени.

– Послушайте, ну, может, все-таки уже сядете в такси? Мы ходим по одним и тем же переулкам уже минут сорок... Я бы и рада еще поболтать, но мне надо домой. У меня сумки с едой, которая сейчас уже совсем на жаре протухнет.

– Да это здесь, вот мой славный дружище! – Старик любовно оглядел ближайший мопед, одновременно надевая шлем и садясь за руль. – Столько всего прожито вместе.

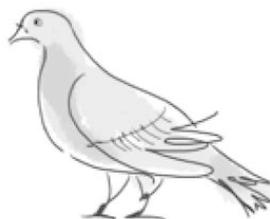
– Так нечестно! Мы были здесь уже два раза, вы сказали, это не ваш.

Он хулигански улыбнулся.

– Когда бы я еще прогулялся с красивой девушкой по центру города? Ciao, bella! (Пока, красавица!)

Вот ведь каналья! Резко встряхнул гривой, сел на Монику Белуччи, сбросил с себя триста тонн лишнего груза, расправил крылья и полетел.

Модена

В Модену я приехала глубокой ночью, а с утра прямо на рассвете пошла в церковь, в главный кафедральный собор города на католическую службу. Модена славится тем, что тут производят автомобили «Феррари» и бальзамический уксус, но мне было важно в первую очередь прийти именно сюда. Этот совершенно обычный деревенский собор на главной площади, образец романской архитектуры, посвященный покровителю города святому Геминианусу. Высокий неф, барельефы, колонны с античными львами, круглое резное окно-роза, крипты, фигуры мрачных евангелистов.

Все как обычно. Все как я люблю. Но еще храм известен тем, что когда-то здесь маленьким мальчиком пел в хоре Лучано Паваротти.

Большинству моих друзей известно, что его я считаю одним из самых главных мужчин своей жизни. Маэстро об этом никогда не знал, но мы с ним прожили долгую и счастливую совместную жизнь. В самые трудные минуты он поддерживал меня арией Каварадосси из «Тоски»; очень редкая моя депрессия способна пережить двукратное прослушивание неаполитанской тарантеллы «Funiculi-funicula». Невероятных усилий мне стоит усидеть на месте сейчас, когда я думаю об этой песенке.

У меня огромная коллекция его записей, полноценные спектакли, старые интервью, биографии, множество фотографий, постеры. Я даже как-то мечтала написать сценарий фильма о нем, но подлый Рон Ховард, голливудский режиссер блокбастеров, успел раньше меня.

Кроме всего прочего, мне невероятно симпатична эта легкость, с которой он жил, работал, женился, разводился, имел феноменальный успех на сцене, оглушительно проваливался на сцене (сама удивилась, когда узнала), ел, готовил, любил женщин, снимался в низкопробном кино, ругался с критиками, травил байки. Это чисто итальянская широта души, размах, открытость, брызги шампанского, воздушность, простота, беззаботность, грация, мальчишество. Эта аллегория льется на меня через экран, подхватывает, несет... сметая на своем пути время, расстояние, даже смерть.

Ах!

Нет, ну невозможно же... все-таки немедленно послушайте сейчас «Funiculi-funicula».

Один критик как-то написал про него: «В Паваротти я нахожу замечательное сочетание того, что ему хочется сделать для собственного удовольствия, с тем, что мы хотели бы, чтобы он сделал для нашего».

Один раз у него брала интервью очень красивая журналистка «New York Times» и привела цитату Гарольда Шенберга, по мнению которого голосовые связки Паваротти поцеловал Господь Бог. На что синьор Паваротти, ни минуты не задумываясь, ответил: «Зато вас Господь Бог обцеловал с головы до ног». Olala!

Но однажды маэстро удалось дать мне один самый главный урок в жизни, который, вообще говоря, не имеет никакого отношения к музыке.

Я смотрела запись старого итальянского рождественского шоу. На ней Лучано Паваротти в студии поет дуэтом со своим папой Фернандо католический гимн «Panis Angelicus» на музыку Сезара Франка.

Двое уже очень старых и очень больных мужчин торжественно стоят на сцене. Они одеты во фраки, у них серьезные сосредоточенные лица, иногда в глазах у обоих мелькают едва заметные искры семейной доброй насмешки.

Как только свою фразу начинает петь Лучано, на грешную землю с небес щедро проливается Божья благодать, всем людям в мире прощается по одному греху. Взгляни, Создатель, шум бытия покорился сыну твоему.

Когда вступает Фернандо, хочется немедленно выключить звук. Слушать это невыносимо. Он не попадает ни в одну ноту, не справляется с дыханием, интонацией, он совсем старик, у него просто не хватает силы голоса, – видно, насколько ему тяжело. Сейчас мы уже знаем, что через полгода он умрет.

Вступает опять Лучано, задает отцу тон, чтобы тому было легче. Но добивается обратного эффекта. Ну кому под силу работать на таком фоне? Контраст убивает весь дуэт. Камера подъезжает ближе, видны их лица. Фернандо устал, со лба льется пот, но он старается. Лучано поддерживает отца самым теплым взглядом. Последние звуки. Зал взрывается. «Bravo, bravissimo!» В Италии нет ничего более святого, чем семья. А семья Паваротти родная для всех, поэтому, естественно, ее поддержат все. Это очень трогательный момент.

Фернандо грациозно кланяется с видом победителя. Раскидывает руки навстречу залу.

– Grazie, molto gentile, – благодарит он с довольной улыбкой. – Спасибо, друзья.

Рядом в сторонке стоит Лучано Паваротти. Он говорит:

– Babo, bravo. Bravo signor tenore! Папа, браво. Браво, синьор тенор! – А потом, обращаясь к публике: – Не дал Бог мне его таланта. Даже в молодости я не мог петь, как он.

Я сначала ужаснулась: надо же, какой злой сарказм. Но потом, глядя на светящееся искренней гордостью лицо младшего Паваротти, поняла, что это вовсе не сарказм, не насмешка. И конечно, ни в коем случае не заблуждение. Мне сложно поверить, что у Лучано Паваротти не хватило музыкального слуха понять, насколько плохо спел его отец.

Нет, это была настоящая кристально чистая ложь. Лучано, светясь гордостью за своего «babo», аплодирует и рассказывает, насколько тот превосходит его в мастерстве.

И вот это тот самый момент, когда маленькая местечковая ложь становится большой жизненной правдой. Есть искренность, есть объективная оценка способностей, а есть любовь. И, по большому счету, я – за любовь. Если не для выражения поддержки, любви и семейной преданности, то зачем нам вообще нужны слова?

И вот я в Модене, в этом самом месте, куда семья пекаря Фернандо Паваротти приходила каждое воскресенье. Где молилась об окончании войны, где крестили детей синьора Лучано и отпевали его самого.

На скамеечке сидела женщина с лицом, совершенно обезображенным какой-то болезнью, неровным, покрытым отталкивающими яркими синюшными пятнами. Женщина истово молилась. Мне показалось, что с такой фанатичной одержимостью она может молить Бога только об одном – чтобы тот вернул ей былое здоровье и красоту. Мне стало ее так жалко! По-хорошему, надо было не мешать и сразу уйти, но мне хотелось как-то «зафиксировать» свое там пребывание, поэтому я села на пять минут на соседнюю лавочку послушать певчих. Женщина, видимо, закончила и вышла из своего религиозного экстаза, и так получилось, что мы с ней одновременно поднялись уходить. Проходя мимо плаката с надписью «Сто лет со дня смерти святого Пия X», она указала мне на него пальцем и сказала:

– Это святой праздник, я уверена, что теперь у меня все получится. Я молилась, чтобы у моего сына прошли неприятности на работе.

Я удивилась и, видимо, от большого ума осторожно задала самый нетактичный в такой ситуации вопрос:

– И вы ничего не просите для себя?

Она удивилась и ответила:

– Это и есть для меня.

Все-таки это удивительное свойство материнской души – у нее никогда нет выбора, о чем просить Бога в первую очередь. Но каково совпадение! Два настоящих моденца в разное время совершенно по-разному поведали мне об одном и том же – о том, что важнее семьи нет ничего.

Я так расчувствовалась, что, когда женщина, прощаясь, пожелала мне хорошего дня, отчаянно выпалила:

– Вы тоже, пожалуйста, будьте счастливы. Любим счастьем, которого хотите.

А она улыбнулась, развернулась и вышла.

Брюгге

Мой преподаватель общей физики в институте профессор Кириченко мог объяснить любой феномен с научной точки зрения.

Почему вампиры не отражаются в зеркалах? – Они просто испускают р-поляризованную волну и все время стоят к зеркалу под углом Брюстера.

Он же рассказывал нам, что фокусник Дэвид Копперфильд летает по воздуху в точности так же, как и «Гроб Магомета», магнит из опыта, иллюстрирующего эффект Мейснера. То есть получается, что у фокусника просто пояс из сверхпроводника, а под сценой две катушки с током.

Когда Кириченко становился серьезнее, он величественно говорил, что мы, физики, не имеем права верить во что-то, кроме науки и эксперимента как краеугольного камня эмпирического подхода к знанию.

Наверное, поэтому я не очень суеверный человек. У меня высшее физико-техническое образование, я не верю в приметы, никогда не могу понять, шутит ли собеседник, спрашивая меня, кто я по гороскопу, дома меня всегда ждет любимая черная кошка, я никогда не вижу видений и не стучу по дереву.

Все началось в то утро, когда мы с редактором «National Geographic Traveler» Ольгой Яковиной пошли в Брюсселе в музей художника Рене Магритта. Магический реализм, загадочная поэтика, вероломство образов. Картины Магритта – это всегда какой-то ребус, приглашение к игре. Например, как может называться картина, на которой изображен человек с крыльями и лев, грустящие на мосту? Все просто – она называется «Ностальгия». Ни человеку, который умеет летать, ни льву нечего делать на мосту. Они воплощают тоску тех, кто знает, что настоящая жизнь – это нечто другое.

Или вот что, например, может быть изображено на картине «Каникулы Гегеля»? Полюбопытствуйте сами, это очень занятно.

Мы с удовольствием обошли все три этажа музея, поиграли в магриттовские загадки, купили открыток и спокойно вышли на Королевскую площадь Брюсселя.

– Ты посмотри, какое магриттовское небо! – вдохновенно восхитилась Яковина и широким жестом указала мне наверх.

– Да, совершенно магриттовское, – согласилась я, пока что внутренне сопротивляясь этой лирике. В тот момент я еще не научилась разбираться, где оно магриттовское, а где – не очень. Обычное голубое небо с белыми облаками.

Но у меня железное правило – я никогда не спорю с главредом. Магриттовское так магриттовское. Мне не жалко.

Наверное, в этот момент где-то щелкнул переключатель, зловеще заухала сова, над нами промелькнула какая-нибудь таинственная тень, где-то захохотал злобный клоун. Гомерически, сардонически и демонически. Видимо, так оно и было. Но мы этого не почувствовали – мы сели в поезд и, весело болтая о какой-то ерунде, за час доехали до города Брюгге.

Брюгге до невозможности живописен. Темная вода каналов мерно бьется об основания горбатых мостов, о стены аккуратных рыжих домиков, окаймленных снизу полосой сырой плесени. То там, то здесь пробивается зелень: то просто ползучим плющом, укрывающим стены, как старая, изъеденная молью шуба, то плакучими ивами, опускающими гигантские ветки в мутную воду, то просто аккуратными кадками с растениями на окнах. Все это создает тот самый старинный фламандский деревенский и даже немного застоявшийся болотный уют.

Мы долго гуляли вдоль каналов, остановились отдохнуть, оперлись на перила и стали разглядывать посетителей кафе на другом берегу канала. В этот момент магриттовское небо

заволокло тучами, и хлынул дождь. Посетители кафе мгновенно испарились, сбежали с открытой веранды под навес. Однако никуда не двинулась парочка влюбленных студентов. Они продолжали сидеть за столиком под открытым небом, только накрылись серой скатертью и страстно целовались. Мы с Яковиной изумленно переглянулись. Перед нами была живая картина Магритта «Влюбленные».

– Инстаграм! – прошептала Яковина, хватаясь за телефон. – Это надо срочно сфотографировать и выложить в Инстаграм! Иначе нам никто не поверит.

Это действительно было сильное совпадение, сама бы я нам ни за что не поверила бы.

Насмотревшись, мы зашли в ближайшую кондитерскую попробовать бельгийских вафель на палочке. (Их тут окунают в шоколад и обсыпают орехами.) Тут же купили отвратительный кофе в пластиковом стаканчике и уселись на ступеньки какого-то величественного здания на гран-пляс.

Мы ели вафли, рассматривали площадь, здания, лошадей, которые, торжественно цокая по камням, везли за собой повозки туристов. Напротив стоял сувенирный магазин с расшитыми подушками на витрине. На одной из подушек были вышиты пять сов. Не три, не четыре, а пять! Они мультяшные, разноцветные и милые, но их было пять!

Это было уже очень смешно. Потому что на картине Магритта «Спутники Страх» тоже сидят пять сов, правда, они тюремно-серые и с inferнально-горящими взглядами.

Со словами: «Давай посвятим этот день Магритту» Яковина начала фотографировать сов для Инстаграма.

По площади важно гуляли магриттовские голуби. Теперь-то я точно научилась различать. Это могли бы быть голубки Пикассо, это могли быть петухи Марка Шагала (ну почему сразу нет? А вдруг?), это могли быть птицы Хичкока, царевна-лебедь Врубеля (вот тут приврала немного, не могло такого быть), грачи Саврасова. Но это были именно магриттовские, легкие, светлые, но сытые голуби.

Скоро мы вышли на тихую улицу и шокированно застыли, увидев витрину ресторана «De Bottelier», очень красиво украшенную сотнями антикварных будильников в клетках. А с потолка свисала огромная оправа очков с уже нарисованными в них глазами. Шахерзада! У Магритта есть картина «Шахерзада» с жемчужной рамой с нарисованными в ней глазами. Такими же точно парящими в воздухе серо-голубыми глазами!

Стало совсем не по себе.

Профессор Кириченко наверняка бы высмеял нас в тот же момент. Селективное внимание, когнитивное искажение – есть много терминов, чтобы объяснить происходившее: нейропсихологи не оставили бы от нас и мокрого места. Когда человек настраивается увидеть что-то приятное, то мимо могут запросто проскакать всадники апокалипсиса, а он заметит только, как красиво развеваются гривы их лошадей. И наоборот, человек, настроенный на агрессивную волну, и на ромашковом поле найдет подтверждение деградации Вселенной.

Наше сознание всегда не прямолинейно трактует реальность. Это сложная запутанная история. У Магритта есть картина, на которой изображена курительная трубка, и к ней стоит подпись: «Ceci n'est pas une pipe» («Это не трубка»). И это, черт возьми, правда. Потому что это холст и краски, это рамка, это картина, висящая на стене, – все что угодно, только не трубка. Но зрение оттранслировало нам в мозг изображение трубки, и сознание подсказало, что это именно она.

А изображение – не всегда есть предмет.

Эта идея, изначально кажущаяся такой абсурдной, потом подкупает своим остроумием. Нам никогда не врет зрение (мне иногда привирает, но у меня близорукость и астигматизм) – нам врут миры в нашей голове. Мы бродим по ним и ищем трактовки тому, что видим глазами, слышим ушами, нюхаем носами, трогаем руками и пробуем на вкус.

Но в этом-то и самая главная наша сила и наша сверхспособность. Потому что периферия у всех одинаковая, а вот уникальные миры в голове создаем мы сами, каждый индивидуально, когда учимся, мечтаем, воображаем, когда любим и сочиняем стихи, когда читаем книги и поем песни.

Как объяснил бы происходящее любой здравомыслящий человек? Очень просто – наши хитроумные, но очень впечатлительные мозги с утра зарядились бельгийским сюрреализмом и сами начали подсовывать нам информацию, которую мы в них запрограммировали.

Мы же, напротив, чувствовали, что таинственное поле мистификации начало сгущаться. Магритт затеял с нами эту игру и глумится над нами.

– В Инстаграм? – растерянно предложила я Яковине.

– В Инстаграм, – твердо сказала она.

Мы шли дальше по улице и размышляли, что же должно случиться еще, чтобы этот день точно выпал из реальности насовсем. Может, пойдем в магазин, купим зеленое яблоко? Найдем туриста с трубкой (которая, конечно, в отличие от магриттовской трубки, будет настоящей). Да, черт возьми, мы все – сон, приснившийся Магритту. Надо поставить какую-то четкую точку в этой игре.

Четкая точка не заставила себя ждать. Из-за угла выехала карета, запряженная белой лошадкой. На козлах сидел кучер в черном пальто и черном котелке. Человек в черном пальто и в черном котелке появляется на картинах Магритта более двадцати раз. Сын человеческий, господин Посредственность, самый узнаваемый образ.

Этого просто не могло быть. Этого не могло быть никогда! Мы стояли, глядели на него и не верили своим глазам. Я застыла и боялась пошевелиться. Обычно у меня нервы как у Эйфелевой башни – бетон и стальные канаты, но тут меня просто парализовало. У Яковины выпала изо рта сигарета. Когда карета уже почти совсем проехала мимо нас, она спохватилась и закричала:

– Блин, сфотографировать не успела. В Инстаграм...

И тут человек в котелке придержал лошадь, повернулся к нам и на русском языке с характерным одесским выговором сказал:

– Зачем вы беспокоитесь? Вы фотографируйте, таки я подожду, зачем мы будем нарушать ваше счастье?

Как мы хохотали! Весь таинственный туман сюрреализма вокруг немедленно рассеялся, и остались только мы, средневековая улочка и обычный туристический аттракцион.

Я вот о чем подумала. Я, конечно же, по-прежнему не верю в приметы и суеверия, в морок и сверхъестественные подоплеки. Но и за этот день, прожитый в загадочной дымке поэтических магриттовских образов, мне тоже не стыдно. Приятно же хотя бы один день побыть совсем другим человеком, поверить во что-то такое, во что поверить невозможно, прожить день какой-то чужой жизни.

В конце концов, разве не за этим мы уезжаем из дома в путешествие?

Антверпен

Мы с главным редактором «National Geographic Traveler» Ольгой Яковиной поехали в Антверпен исключительно для удовольствия. Антверпен – один из моих любимых городов, поэтому я запросто написала бы статью про Рубенса, Заху Хадид, музей современного искусства MAS, про фестивали, про еду, про моду, про добычу алмазов. Да про что угодно. Про Антверпен-то? Да даже ехать никуда не надо, и так все исхожено вдоль и поперек.

Так я думала до нашего путешествия. Поэтому мы поехали просто погулять по любимому городу еще раз, без какой-то особой цели.

Вот Яковина считает, что любимые города – они как мужчины: с одними у тебя начинается любовь с первого взгляда, с другими – крепкая дружба, с третьими – наоборот, необъяснимая антипатия, а с четвертыми вообще все сложно. А уже знакомые города – они, стало быть, как бывшие мужчины. Уютные старые приятели.

Я, конечно, считаю совершенно иначе. От бывших мужчин ждешь, что они растолстели, спились и живут с мамой в горьком отчаянии и сожалениях. Тогда как от любимых городов ждешь, что они за время твоего отсутствия стали только прекраснее, обнимут, накормят, и обойдется без всяких сюрпризов.

В Антверпене живет художник Ян Фабр, который постоянно скандализует косный истеблишмент. Делать это, без всяких сомнений, не только можно, но и обязательно нужно. А я, конечно, ассоциирую себя с косным истеблишментом, поэтому очень скандализируюсь. Ян Фабр рисует картины собственной кровью, делает скульптуры из панцирей тропических жуков, раскрашивает стены королевского дворца синими ручками Vis. Он же поставил в Собор Богоматери Антверпена золотую фигуру с крестом, похожую на Элвиса Пресли. И несмотря на то, что мне все-таки ближе благопристойные буржуазно-обывательские ценности, сама идея ставить объекты современного искусства в католические соборы и королевские дворцы мне кажется очень симпатичной и правильной. Это обеспечивает непрерывность творческой мысли, диалог прошлого с настоящим, позволяет городу не мумифицироваться и, говоря экспертным языком, актуализирует традиционный контекст.

Наверное, именно поэтому Антверпен такой живой, такой наполненный творчеством город. Лавки самых ультрамодных дизайнеров прекрасно вписываются в архитектуру барокко, старинная каменная мостовая вдруг превращается в одеяло, укрывающее современную скульптуру спящего мальчика-сироты Нелло с собакой Патрашем. В ресторанах высокой кухни можно встретить пару бывших панков, которые когда-то очень здорово зажигали вдвоем, прожили вместе сорок лет, но так и не состарились. В этом же ресторане на салфетках написано: «Tomorrow is so far away» («Завтра еще так далеко»). В доме Рубенса выставляется картина Тинторетто, принадлежавшая Дэвиду Боуи, а в музее современного искусства каждый желающий может повесить объявление «Dine with me» («Пужинай со мной») и пригласить любых незнакомцев к себе домой поужинать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.